

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902(4/9)

**ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССА КОЭВОЛЮЦИИ ПРИРОДЫ
И ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

(Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства РД, проект № 12-06-96500/14)

Л.Б. Гмыря

Институт ИАЭ ДНЦ РАН

lgmyrya@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрен комплекс факторов, оказавших определяющее влияние на процесс взаимодействия ландшафтов Западного Прикаспия и племен-мигрантов времени Великого переселения народов (ВПН) в соответствии с их приоритетностью: а) природных; б) этнокультурных; в) экологических; г) политических; д) военных; е) идеологических; ж) военно-стратегических.

Abstract: The article presents the range of factors, which had a decisive influence on the interaction of the landscape of the Western Caspian Sea Region and migrating tribes during the Migration Period. According to their priority they are classified into: a) natural; b) ethnocultural; c) environmental; d) political; d) war; e) ideological; f) military and strategic factors.

Ключевые слова: археология, культурогенез, коэволюция, этнос, ландшафт, эпоха Великого переселения народов, Прикаспийская низменность.

Keywords: archeology, culture genesis, coevolution, ethnic group, landscape, Migration Period, Caspian Lowland.

В археологии проблема взаимодействия общества и природы наиболее полно разрабатывается для ранних периодов развития человечества (эпох палеолита и мезолита) (см.: Гмыря Л.Б., 2012б. С. 51). Для эпохи Великого переселения народов (IV–IX вв.), характеризующейся массовым перемещением коренных этнических сообществ Центральной Азии на новые территории обитания – в Среднюю Азию, Южное Приуралье, Волго-Уральский регион, Северный Кавказ, Причерноморье, Балканский полуостров, Прикарпатье, проблема коэволюции культуры и ландшафтов также является одной из актуальных. Один из главных ее аспектов – роль природных факторов в культурогенезе этнических сообществ, переместившихся на новые территории обитания. Разработка этой тематики необходима для выработки закономерностей формирования новых компонентов культуры в иной экологической среде и выявления причин угасания ее традиционных составляющих. В археологической литературе период освоения новой территории этническими сообществами-мигрантами обозначается понятием «время обретения родины» (Occupation of the New Homeland, Landnahmezeit и др.) (см.: Рашиев Р., 2006. С. 48; 2007. С. 104; Фодор И., 2007. С. 153). Эта терминология первоначально применялась к периоду освоения венгерскими племенами Карпатской котловины. Схожие явления культурогенеза племен-мигрантов фиксируются и в других регионах. Исследователи констатируют изменение культуры и хозяйственной деятельности венгерских племен на новых территориях, но причины этого явления объясняют по-разному – влиянием культуры местного населения, экологическими условиями новой территории обитания, выработкой новых принципов хозяйствования, исходя из природной

основы освоенной ойкумены (*Bona J.*, 1979. С. 39–48; *Bálint Cs.*, 1994. С. 39–46; *Фодор И.*, 2007. С.153–156; *Раев Р.*, 2007. С. 104–108).

Проблема формирования культуры кочевых племен на новой обретенной родине актуальна и для территории Западного Прикаспия. В период с IV по VII вв. в этот регион последовательно переместились кочевые племена гуннов, савир, тюрков, хазар и др. Попытки исследователей вычленив в древностях этого региона комплексы культур различных этносов базировались в основном на хронологических признаках комплексов материальной культуры, а поиски их истоков на первичных территориях проживания не выявили прямых аналогий.

Обращение к проблеме взаимодействия общества и природы в эпоху ВПН на территории Западного Прикаспия впервые в историографии было предпринято при разработке инициативного проекта РФФИ–Дагестан «Ландшафты Западного Прикаспия в культурогенезе этнических сообществ эпохи Великого переселения народов» (2012–2014 гг.). Данное исследование вносит важный вклад как в изучение исторического процесса обозначенного региона в эпоху ВПН, так и в изучение истории развития природной среды и ее отдельных компонентов.

Проект РФФИ–Дагестан был направлен на решение фундаментальной задачи «Взаимовлияние этнических сообществ и ландшафтов Западного Прикаспия в эпоху Великого переселения народов (IV–VII вв.)», рассматриваемой на основе комплексного исследования разнообразных природных и культурных артефактов, относящихся к I тыс. н.э. При разработке этой проблемы основное внимание было уделено изучению роли ландшафтов Западно-Прикаспийского региона в культурогенезе племен-мигрантов в период их адаптации к новой территории обитания и выявлению закономерностей развития культуры населения в последующие исторические периоды. Исследование основано на археологических, палеогеографических и письменных источниках. Базовым объектом исследования являлся археологический комплекс – Паласа-сыртский курганный могильник IV–V вв. и Паласа-сыртское поселение III–VI вв., расположенные в специфической экологической нише, включающей Паласа-сыртскую возвышенность, долину р. Рубас, побережье Каспийского моря, предгорья Кавказа, Дербентский проход.

Результаты исследования этой проблемы основаны на конкретных данных анализов основных показателей природной среды и материалах жизнедеятельности населения в ее пределах. Это значительно отличает выбранный подход к решению проблемы от работ, отображающих аналогичные процессы времени обретения родины на других территориях (Болгария, Венгрия, Причерноморье, Северный Кавказ, Поволжье), основанных преимущественно на археологических материалах.

На основе данных привлеченных источников была разработана научно-теоретическая концепция коэволюции природы и общества в Западно-Прикаспийском регионе, в которой обозначены основные факторы, повлиявшие на процесс взаимодействия местных ландшафтов и племен-мигрантов времени ВПН в соответствии с их приоритетностью. К ним отнесены следующие факторы: а) природные (ландшафты, климат, географическое и стратегическое положение места обитания), отвечающие традиционным видам хозяйствования, военно-политическим устремлениям и религиозным верованиям племен-мигрантов; б) этнокультурные, обусловленные устоявшимися традициями и включающие хозяйственную деятельность, погребальную обрядность, религиозные верования, искусство, устное народное творчество; в) экологические, включающие традиционные виды хозяйствования, обеспечивающие благополучное существование сообщества и его демографический прирост; г) политические, обусловленные многоэтапностью миграционных процессов (5 основных этапов) в регионе, их длительностью (сер. IV – первая треть VII в.), полиэтничностью (4 основных этноса) и социальной неоднородностью (множество племен и мелких союзов племен); д) военные, обусловившие приоритетное развитие отраслей экономики, которые обеспечивали потребности военного дела; е) идеологические, способствовавшие исполнению традиционной религиозной практики, в которой были задействованы священные объекты природы и искусственные объекты, сооруженные из природных материалов; ж) военно-стратегические, обусловленные особенностями географического положения освоенной племенами-мигрантами ойкумены, расположенной у Дербентского прохода на международной сухопутной трассе, соединяющей Юго-Восточную Европу с Закавказьем и Передней Азией.

По степени влияния обозначенных факторов на коэволюцию природы и социальных сообществ региона были выделены основные источники разработки проблемы, к которым отнесены данные исследования Паласа-сыртской возвышенности, археологические материалы раскопок многослойного Паласа-сыртского поселения III–VI вв., одноименного курганного

могильника IV–V вв. и выявленного вблизи этих объектов в 2014 г. монументального каменного военно-оборонительного объекта Сасанидского Ирана середины VI в., аналогичного по структуре Дербентской оборонительной стене.

Исследованиями были установлены почвенно-растительные и климатические особенности изучаемого региона в период освоения новой территории племенами-мигрантами на основе материалов природных и археологических объектов, а также лабораторных исследований. Современные ландшафты Паласа-сыртской возвышенности, характеризующиеся резким контрастом (наличие участков сухих степей на поверхности, тугайных лесов, болот и солончаков в долинах рек, кустарников и деревьев в предгорье), идентичны времени освоения ойкумены племенами-мигрантами (IV–V вв.), что указывает на близость климатических условий, характеризующихся засушливостью (Идрисов И.А., 2010а. С. 72–75; 2010б. С. 74–80; 2012. С. 62–66; Гмыря Л.Б., 2007б. С. 111–118). Участки древнего горизонта возвышенности, перекрытые курганами погребений IV–V вв. (погребённая почва), также содержат данные об аридизации климата в регионе в период совершения захоронений.

Ландшафты освоенной ойкумены (Идрисов И.А., 2011. С. 121–124) способствовали разнообразной хозяйственной деятельности племен-мигрантов (земледелие, скотоводство, рыболовство, охота).

На основе анализа растительных остатков в погребениях Паласа-сыртского курганного могильника и в культурных слоях одноименного поселения был определен перечень видов растительности, использовавшихся в хозяйственной деятельности населения. Основным культурным растением было просо, солома использовалась при выделке некоторых видов керамических сосудов, она включалась в состав обмазки жилищ жердевой конструкции. При сооружении каркасов жилищ использовались тонкие ветки кустарников и камыш местных пород, а также стволы деревьев для центрального столба. В погребальной практике для изготовления настилов погребальных камер применялась разновидность камыша – осока (Гмыря Л.Б., 1989. С. 77–97; 2005. С. 147–165; 1993. С. 171–172; 2012а. С. 86–91).

Как показал анализ остеологического материала из слоев Паласа-сыртского поселения в хозяйстве племен-мигрантов данного региона большой удельный вес занимало коневодство (30,8%) и овцеводство (30,2%), а также разведение крупного рогатого скота (21,1%). Определенное значение имело и свиноводство (10%). В меньшей степени в хозяйстве использовались осел и верблюд (5,4%; 2,4%). Производилась охота на различные виды диких животных (косуля, тур, джейран, лань, олень, серна, зубр, степная кошка, тарпан, толсторог, барс и др.) (Гмыря Л.Б., 2005. С. 148, 163; 2012а. С. 86–91).

Кости и рога домашних и диких животных широко применялись при изготовлении некоторых орудий труда (иглы, проколки, ложила, предметы формовки керамических изделий, уплотнители нитей в ткачестве), предметов вооружения (наконечники стрел, роговые накладки луков), предметов досуга (бабки и биты) и культа (подвески из фаланг барса). Меха и кожа домашних и диких животных употреблялись для пошива одежды и обуви, а также для изготовления поясов, портупей, женских сумочек и обкладок ножен мечей (Гмыря Л.Б., 1988. С. 36–46; 1991. С. 182–189; 1995. С. 119–122, 239–241; 2001. С. 289–312; 2005. С. 149; 2012а. С. 86–91). В целом племена-мигранты в период обоснования и налаживания жизнеобеспечения в новой ойкумене продолжали развивать традиционные формы хозяйствования (коневодство, животноводство, охота, земледелие) и традиционные виды ремесла (керамическое дело, обработка кости и рога, домашнее ткачество и сетеплетение). Новым в их деятельности было разведение свиней и ослов, что характерно для оседлого населения.

У племен-мигрантов плато Паласа-сырт было хорошо развито военное дело. На материалах предметов вооружения из культурных слоев Паласа-сыртского поселения и погребений одноименного могильника было установлено, что основным видом вооружения было оружие дистанционного боя – лук и стрелы. Использовались как простые, небольшие луки и стрелы с костяными втульчатыми наконечниками, так и тяжелые луки с костяными обкладками и стрелами с железными черешковыми трехлопастными наконечниками. У социально значимого населения имелись длинные узколезвийные мечи сарматского типа и короткие мечи (кинжалы) (Гмыря Л.Б., 1988. С. 36–46; 1993. С. 237–239; 2001. С. 289–312; 2005. С. 149; Саидов В.А., 2013. С. 36–41). Вооружение армии сообществ племен-мигрантов Западного Прикаспия отвечало задачам и тактике конных сражений кочевников, что способствовало успехам как в набегах на страны Закавказья и Ближнего Востока, так и в сражениях в составе наемных отрядов Персии и Византии.

Исследованиями было установлено назначение некоторых орудий труда племен-мигрантов в составе погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. (железные ножи, пряслица, игольники и др.) (Абдулаев А.М., 2013. С. 102–106). Ножи входили в состав инвентаря в основном мужских захоронений, где не имели прямой функции, связанной с трапезой (мясная заупокойная пища не характерна для Паласа-сыртского могильника). Нож был личной вещью, имевшей прижизненное применение в выделке предметов вооружения и труда; исходя из этого, этот предмет включался в погребальный инвентарь. Ножи редко, но встречались и в погребениях женщин, имевших социально высокое положение. Они входили в убор парадного костюма, где привешивались к поясу. Возможно, в женских погребениях ножи имели сакральную семантику. Пряслицы, являясь атрибутами прядения, имели широкое распространение у населения этого региона. В культурных слоях Паласа-сыртского поселения выявлены целые изделия, их заготовки и фрагменты, выполненные из гальки, кости, глины, обломков керамических сосудов. Но в погребениях Паласа-сыртского могильника пряслица – один из самых редких предметов инвентаря. Пряслица выявлены в 6-и погребениях из более 180 исследованных, причем в могилах с достаточно ценным инвентарем. Возможно, они имели двойное функциональное назначение и в погребениях являлись атрибутами языческих верований.

У племен-мигрантов плато Паласа-сырт высокое развитие получило керамическое производство (Гмыря Л.Б., 2005. С. 149–165; 2012а. С. 86–91; Магомедов Ю.А., 2013. С. 85–101). На основе керамического комплекса Паласа-сыртского поселения, в слоях которого обнаружено более 11 тыс. фрагментов керамических изделий, было установлено, что основная часть керамики изготовлялась на поселении из глины местных пород. Технологические приемы изготовления керамики были разными. Тарные сосуды (крупные толстостенные сосуды высотой до 1 м, с шаровидной формы туловом и с узким донцем) изготовлялись с помощью гипсовых форм, фиксировавших нужную форму. В таких сосудах хранили муку, зерно и др. продукты. Большие объемы зерна хранили также в хозяйственных ямах, стенки и дно которых покрывались глиняной обмазкой и прокаливались. Столовые сосуды и кухонная посуда изготовлялись ручной лепкой, иногда с помощью вращающейся подставки. Такие сосуды имели ассиметричную форму. Столовые кувшины изготовляли из хорошо отмученной (тонкой) глины без примесей, в которую добавляли отошители – растолченные фрагменты керамики, растительные добавки. Наибольшее распространение в данном регионе имели однотипные кувшины красного цвета. Глина при обжиге приобретала желтый оттенок, поверхность сосудов тщательно заглаживалась и покрывалась краской красного цвета (ангоб). На заключительном этапе поселения (VI в.) вошло в обиход вошло кувшины терракотового цвета со сливами, декорированными видовыми чертами свиньи (вепря), вся поверхность сосудов обрабатывалась в виде широких желобков, имевших разную направленность. На поселении использовались также керамические миски разнообразных форм и чаши диаметром до 40 см, выявлены также кружки с зооморфными ручками (Гмыря Л.Б., 2005. С. 149–160).

Кухонная керамика была также разнообразной – кухонные горшки, котлы, сковороды. Горшки были однотипной формы (грушевидное тулово, узкое донце, небольшие размеры), но отличались они формой венчика и декором внешней поверхности. Вся кухонная керамика имела серый цвет поверхности и теста, технология ее обжига была иной, чем столовой посуды. Иными были и отошители – толченая ракушка белого цвета, слюда, мелкозернистый песок, которые добавлялись с целью повысить термические качества изделий. На поверхности многих обломков кухонных горшков с поселения и целых экземпляров из могильных комплексов сохранился нагар от нахождения в огне (очаг, костер). Керамические сковороды были большого диаметра с невысокими бортиками, внутренняя поверхность этих изделий тщательно лошилась, внешняя заглаживалась (Гмыря Л.Б., 2005. С. 150). В сковородах прокаливали зерно, а также выпекали тонкие хлеба, о чем упоминается в письменных источниках.

Обжигательные печи на Паласа-сыртском поселении пока не обнаружены, но некоторые артефакты свидетельствуют об их наличии. В культурных слоях поселения обнаружены бракованные фрагменты тарной керамики со следами оплавленности и деформации в результате пережженности сосудов при обжиге (Гмыря Л.Б., 2005. С. 150).

Многообразие форм керамических сосудов и значительность объема коллекции керамики Паласа-сыртского поселения свидетельствуют о широкой хозяйственной деятельности населения, потребности которого удовлетворялись керамическим производством, носившим домашний характер.

Разнообразие хозяйственной деятельности населения способствовал широкий спектр минерального сырья, имевшегося в данном регионе (Паласа-сыртская возвышенность, долина реки Рубас, Приморская равнина).

Анализ почв возвышенности Паласа-сырт выявил их значительное разнообразие – поверхностный уровень возвышенности состоит из уплотненного суглинка, нижние уровни включают цементированный песок, пропитанный гипсом суглинок, галечник, глину, известняк и др. (Идрисов И.А., 2010а. С. 72–75; 2011. С. 121–124; Гмыря Л.Б., Идрисов И.А., 2013. С. 30–35). Разнообразный состав грунтов Паласа-сыртской возвышенности обеспечивал ремесленную деятельность населения (керамическое дело, изготовление орудий труда из гальки, кремня, ракушечника), а также благоприятствовал сооружению сложных конструкций погребальных камер (катакомбы, подбои). Природные ресурсы Паласа-сыртской возвышенности, главным образом минеральное сырье, с большой полнотой использовались в ремесленном производстве при изготовлении керамических сосудов, орудий и предметов труда, предназначенных для переработки сельскохозяйственных продуктов (зернотерки, жернова, каменные чаши и ступы, кремневые вкладыши досок для обмолота зерна и др.) (Гмыря Л.Б., 1991. С. 182–189; 2005. С. 148–149).

На Паласа-сыртском поселении выявлены свидетельства налаженного бронзолитейного производства (фрагмент каменной формы для отливки бронзовых зеркал с центральной петлей), которое должно было обеспечиваться местным минеральным сырьем (медь и др.) (Гмыря Л.Б., 1990. С. 254–259). Некоторые металлические изделия убора женского костюма, зафиксированные в погребениях Паласа-сыртского могильника (височные привески, серьги, фибулы), выполненные из серебра и бронзы, не имеют аналогий в культуре других этнических сообществ. Возможно, они также изготавливались местными мастерами. На поселении выявлены также железные конгломераты (отходы от железоделательного производства), свидетельствующие о развитии производства изделий из железа. По данным Паласа-сыртского могильника, это могли быть ножи, мечи, кинжалы, включавшиеся в инвентарь погребений и служившие предметами вооружения.

В процессе разработки проблемы коэволюции природы и общества была установлена роль местных ландшафтов в проявлениях племенами-мигрантами религиозной практики. По данным письменных источников, у племен-мигрантов существовали природные священные объекты – дубовые рощи, где особо почиталось наиболее высокое дерево, на котором размещались жертвы, приносимые верховному богу Неба – Тенгри-хану (Гмыря Л.Б., 2007. С. 47–50; 2008. С. 13–27; 2009. С. 283–312). Небольшие реликтовые участки дубовых рощ сохранились в пойме р. Рубас до настоящего времени.

Природные особенности ландшафтов Паласа-сыртской возвышенности благоприятствовали отправлению погребальных традиций. Практически ровная поверхность возвышенности, ее значительное возвышение над низменными, сильно увлажненными приморскими территориями (+50; +100 м), наличие в ее структуре мощных прослоек плотного грунта (цементированный суглинок, загипсованный грунт, материковая глина) давали возможность сооружать полые погребальные камеры (катакомбы, подбои) и возводить объемные надмогильные сооружения (курганы) (Гмыря Л.Б., 1993; 2011; 2012в; 2013). Учитывая зафиксированную в письменных источниках активную военно-политическую деятельность племен-мигрантов Прикаспийского Дагестана в IV–V вв., потребность в территориях для формирования кладбищ была велика. Протяженность Паласа-сыртского курганного могильника с север на юг составляет свыше 5 км, плотность захоронений на участках некрополя очень высокая.

К настоящему времени на могильнике зафиксировано свыше 2 тыс. курганных насыпей, но значительная часть могильника уничтожена в процессе сельскохозяйственной деятельности населения в 60–80-х гг. XX в. (распахивание территории под виноградники, поля зерновых) и продолжается в настоящее время, а также при прокладке 2-х магистральных путепроводов (нефть, газ) через территорию могильника в 80-х гг. XX в. без предварительного исследования трассы археологами. В настоящее время продолжается уничтожение могильника в процессе профилактических работ газовиков и нефтяников, а также проведения через его территорию ЛЭП высокого напряжения. Учитывая, что могильник существовал непродолжительное время – ок. 75 лет (последняя четверть IV – середина V в.), ландшафты освоенной ойкумены интенсивно использовались под размещение могильника.

В погребальной практике населения, обитавшего на плато Паласа-сырт, нашли применение некоторые виды минерального сырья и местной растительности. Входы в погребальные камеры перекрывались каменными плитами из ракушечника и галечника, эти минералы в большом количестве имеются в склонах лощин, прорезающих Паласа-сыртскую возвышенность. Щели между плитками замазывались глиняным раствором. Как отмечалось, пол погребальных камер застилался настилом из местных видов камыша и осоки, в ряде случаев он посыпался растолченным мелом, добываемом при обжиге местной морской ракушки и мелкого галечника.

Не только природные ресурсы оказывали существенное влияние на формирование и развитие культуры племен-мигрантов, но и само население воздействовало на ландшафты освоенной территории (Паласа-сыртская возвышенность, долина р. Рубас). Деятельность человека на Паласа-сыртской возвышенности значительно изменила ее внешний облик, в рельеф которого были вписаны сферовидные курганные насыпи эпохи бронзы и IV–V вв. На высоком берегу р. Рубас было основано поселение III–VI вв., при этом береговой мыс дополнительно эскарпирован для усиления оборонительных возможностей. Облик территории нахождения поселения также изменился в результате образования 3-х метрового культурного слоя, строительства жилищ и сооружения многочисленных хозяйственных ям.

Исследованиями удалось установить важные военно-политические факторы, которые способствовали вытеснению в первой пол. VI в. этнических сообществ племен-мигрантов с освоенной экологической ниши в долине р. Рубас в северные районы Западного Прикаспия. В феврале 2014 г. был открыт новый, неизвестный ранее археологический объект – монументальное каменное фортификационное сооружение, расположенное на надпойменной террасе р. Рубас в непосредственной близости от Паласа-сыртского поселения III–VI вв. и одноименного курганного могильника IV–V вв., т.е. в пределах освоенной племенами-мигрантами ойкумены. В рамках запланированных экспедиционных исследований 2014 г., направленных на поиски следов жизнедеятельности человека в данной ойкумене, приведших к существенным трансформациям ее природных объектов, на нововыявленном объекте были проведены спасательные раскопки для определения его функционального назначения. Несмотря на значительные повреждения архитектурного объекта местными жителями, раскопками удалось выявить отрезок фундамента крепостной стены длиной 3 м и восточную стену примыкавшей к ней башни (высота 2,3 м), сложенную из 9-и рядов регулярной кладки массивными каменными блоками, имевшими ступенчатые уступы. Внутренняя полость башни была забутована щебенкой и бутовым камнем, скрепленным известковым раствором. На этом же участке было начато исследование монументального сооружения из массивных каменных плит длиной до 2,5 м. В пределах архитектурного сооружения обнаружены крупные обломки прокаленных кирпичей и фрагменты керамических сосудов. Строительные остатки монументального архитектурного объекта на р. Рубас по технологии возведения, размерам и технике обработки крупных каменных блоков близки каменной фортификации Дербента середины VI в., сооруженной Сасанидским Ираном (*ГмыряЛ.Б.*, 2014. С. 139–161). Ступенчатый характер нижнего уровня внешней стены башни объекта на р. Рубас имеет прямые аналогии в одной из башен северной стены Дербента.

Исследованный на р. Рубас монументальный архитектурный объект имеет большое значение для изучения международной системы стратегической обороны, разработанной и осуществленной совместными усилиями Сасанидского Ирана и Византии на Восточном Кавказе в период середины V – середины VI в. Эта система была предназначена для предотвращения проникновения в Закавказье и на Ближний Восток кочевых племен, обосновавшихся в Прикаспийском Дагестане в IV–VII вв. Дальнейшие раскопки этого памятника определяют масштабность архитектурного объекта на р. Рубас. Совпадение его хронологии (сер. VI в.) с заключительным этапом бытования Паласа-сыртского поселения (VI в.), а также резкая смена материальной культуры поселения, фиксируемая сер. V в., и верхняя дата Паласа-сыртского могильника (сер. V в.) указывают на то, что внедрение в регион и закрепление в нем Сасанидского Ирана в середине V в. способствовало вытеснению племен-мигрантов из освоенной ойкумены (Паласа-сыртская возвышенность, долина р. Рубас) за ее пределы, т.е. к северу от Дербентского прохода, где, по данным письменных источников, фиксируется нахождение в VII в. «страны гуннов» («царства гуннов») Прикаспия.

В связи с открытием нового объекта сасанидской фортификации на р. Рубас становится актуальным исследование проблемы негативных последствий сооружения длинных стен в приморской части Западного Прикаспия в различных аспектах (политическом, экономическом, демографическом, этнокультурном). Эта проблема в историографии не рассматривалась. Частично она была поднята при разработке проекта РФФИ–Дагестан, в котором заградительная стратегия Сасанидского Ирана и Византии в Прикаспийском регионе рассматривается как негативный фактор в существовании местных этнических сообществ, значительно изменяющий природные ландшафты региона, а также приводящий к оскудению местных минеральных запасов.

При разработке проблемы взаимодействия природных ландшафтов и этнических сообществ Западного Прикаспия на основе анализа археологических, палеогеографических и письменных источников было установлено определяющее значение природных условий Прикаспийского региона в генезисе культур этнических сообществ эпохи Великого переселения народов (IV–V вв.),

а также выявлено глубокое влияние антропогенного фактора на ландшафты указанного региона в процессе освоения племенами-мигрантами новой территории. Установлены также важные военно-политические факторы, способствовавшие вытеснению в первой пол. VI в. этнических сообществ племен-мигрантов из освоенной экологической ниши в северные районы Западного Прикаспия.

Новизна полученных результатов исследования состоит в ряде аспектов, впервые освещенных в историографии Дагестана: 1) поставлена проблема взаимодействия природы и общества в Западно-Прикаспийском регионе в исторический период Великого переселения народов (IV–VII вв.), для исследования которой был привлечен широкий комплекс разносторонних источников – нарративных, археологических, палеогеографических, палеозоологических, палеопочвенных, палеоботанических и др.; 2) разработана научно-теоретическая концепция коэволюции природы и общества в исследуемом регионе, в которой обозначен ряд основных факторов, оказавших существенное влияние на развитие процесса взаимодействия местных ландшафтов и племен-мигрантов времени Великого переселения народов (природные, этнокультурные, экологические, политические, военные, идеологические, военно-стратегические); 3) проведена реконструкция истории развития крупного объекта природы исследуемого региона – Паласа-сыртской возвышенности, во взаимодействии с которым сформировался новый тип культуры племен-мигрантов; 4) сделан анализ археологических материалов, полученных при исследовании базовых объектов жизнедеятельности племен-мигрантов в обозначенной экологической нише – Паласа-сыртского поселения III–VI вв. и Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв., в контексте поставленной проблемы коэволюции природы и общества; 5) установлена важная роль природной среды в трансформации культуры племен-мигрантов в процессе адаптации к новым условиям существования, приведшей к изменению традиционного уклада жизнеобеспечения (переход к оседлому образу жизни); 6) выявлены закономерности развития социума в новых природных условиях (степень сохранности традиционной этнокультурной составляющей и степень новых, приобретенных позиций); 7) исследован вопрос о роли антропогенного фактора в развитии экосистемы в условиях интенсивной хозяйственной деятельности населения и в ходе исполнения религиозно-культурных традиций; 8) поставлена проблема негативного воздействия военно-политических факторов (возведение Сасанидским Ираном совместно с Византией в V–VI вв. заградительных рубежей в регионе) на выживание племен-мигрантов, обосновавшихся в районе Дербентского прохода, и на факты их миграции на новые территории.

Полученные при разработке темы научные результаты в значительной степени отличаются от заключений по проблеме коэволюции природы и общества в эпоху Великого переселения народов, основанных на материалах других регионов, подвергавшихся внедрению племен-мигрантов. Исследование разнообразной хозяйственной деятельности и религиозной практики племен-мигрантов плато Паласа-сырт периода обретения новой родины (IV–V вв.) показало, что, поселившись в новой ойкумене, население продолжало развивать традиционные виды хозяйственной деятельности (земледелие, ремесло, охота, рыболовство), используя для этого привычные виды фауны и флоры, а также природные материалы. В большом объеме развивалось керамическое производство, в котором зафиксировано значительное влияние местных племен.

В работах исследователей по аналогичным проблемам (время обретения родины в истории праболгар Дунайской Болгарии, раннесредневекового населения Карпатской котловины, хазар Придонья и др.) в начальный период освоения новой территории отмечены ощутимые изменения в материальной культуре племен-мигрантов (отсутствие керамических материалов) и практически полное игнорирование достижений местных племен в строительном деле. Возможно, особенности хозяйственной деятельности племен-мигрантов Прикаспийского региона обусловлены их обоснованием на трассе международных сухопутных коммуникаций и близостью нахождения развитых государств Закавказья и Ближнего Востока, в отличие от кочевых племен Болгарии и Венгрии, в первоначальный период разместившихся в отдаленных от международных коммуникаций регионах.

Рассмотрение проблемы взаимодействия природных ландшафтов и этнокультурных сообществ кочевников Западного Прикаспия в эпоху Великого переселения народов на примере крупнейшего природного объекта региона Паласа-сыртской возвышенности и наиболее изученных археологических памятников – Паласа-сыртского поселения и Паласа-сыртского курганного могильника – выявило существенную трансформацию традиционной хозяйственной деятельности племен-мигрантов при сохранении основных компонентов их культуры и религии, установило определяющий фактор природной среды в процессе формирования новых составляющих в

жизнеобеспечении социума. Кочевые сообщества данного региона под влиянием местных условий природной среды перешли к оседлому образу жизни (постоянное проживание на поселениях в стационарных жилищах, переход к отгонному скотоводству, развитие земледелия, широкомасштабного керамического производства). Однако неизменными остались социальная структура сообщества, характер общественного разделения труда, этнокультурный облик членов сообщества, погребальные традиции, религиозные верования и мировоззренческие представления.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулаев А.М. Орудия труда в погребениях Паласа-сыртского курганного могильника // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2013. №2. С. 102–106.

Гмыря Л.Б. Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV–VI вв.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988. С. 36–46.

Гмыря Л.Б. Бытовые и хозяйственные постройки Паласа-сыртского поселения // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 77–97.

Гмыря Л.Б. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана // СА. 1990. №1. С. 254–259.

Гмыря Л.Б. Орудия труда Паласа-сыртского поселения (по материалам раскопок 1985–1987 гг.) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 182–189.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала, 1993. – 367 с.

Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. – 228 с.

Гмыря Л.Б. Античные параллели в материальной культуре населения Западного Прикаспия (Специфические атрибуты) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. М.–Магнитогорск, 2001. С. 289–312.

Гмыря Л.Б. Кувшины с желобчатой поверхностью Паласа-сыртского поселения // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сб. статей, посв. 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала, 2005. С. 147–165.

Гмыря Л.Б. Традиционная религиозная практика населения Прикаспийского Дагестана в раннем средневековье // Вестник Дагестанского научного центра. 2007а. №27. С. 47–50.

Гмыря Л.Б. Обретенная родина в представлениях номадов Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. История. 2007б. №18. С. 111–118.

Гмыря Л.Б. Культ священных деревьев в религиозных воззрениях населения Прикаспийского Дагестана (VII–VIII) // Р.А. 2008. №2. С. 13–27.

Гмыря Л.Б. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестан в IV–VII вв. (По данным письменных источников). Махачкала, 2009. – 540 с.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский курганный могильник IV–V вв.: 130 лет исследования // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 4. С. 36–80.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртское поселение – важный памятник для изучения жизнедеятельности этнических сообществ Западного Прикаспия IV–VI вв. // Вестник Дагестанского научного центра. Специальный выпуск. 2012а. № 47. С. 86–91.

Гмыря Л.Б. Взаимодействие природы и общества в Западно-Прикаспийском регионе в IV–VII вв. (к постановке проблемы) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012б. № 2. С. 51–61.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский курганный могильник IV–V вв.: Итоги, проблемы и перспективы исследования // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012в. №2. С. 71–86.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский курганный могильник у Дербентского прохода (конец IV – первая половина V в.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 110–153.

Гмыря Л.Б. Раскопки нового монументального архитектурного сооружения Сасанидского Ирана в долине р. Рубас // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. №3. С. 139–161.

Гмыря Л.Б., Идрисов И.А. Историко-культурное и географическое изучение возвышенности Паласа-сырт // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2013. №4 (25). С. 30–35.

- Идрисов И.А.* Природные особенности Паласа-сыртской возвышенности (южный участок) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2010а. №1. С. 72–75.
- Идрисов И.А.* Изменения климата Дагестана во второй половине голоцена // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2010б. №2. С. 74–80.
- Идрисов И.А.* Формирование возвышенности Паласа-сырт // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. №1. С. 121–124.
- Идрисов И.А.* Влияние изменений природной среды на динамику социального освоения Западного Прикаспия в I тыс. н. э. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. №2. С. 62–66.
- Магомедов Ю.А.* Керамика Южного Дагестана (источниковедческий и историографический аспекты) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 2. С. 85–101.
- Рашиев Р.* Первое Болгарское царство на Дунае // История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. С. 48–59.
- Рашиев Р.* Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1. Казань, 2007. С. 104–108.
- Саидов В.А.* Предметы вооружения населения Паласа-сыртской возвышенности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2013. №4. С. 36–41.
- Фодор И.* Евразийская степь и Карпатская котловина // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 2. Казань, 2007. С. 153–156.
- Bálint Cs.* A 9. századi magyarság regeszteti hagyatéka // Honfoglalás és régészet. Ed. Györffy Gy. – Kovács L. Budapest, 1994. 39–46.
- Bóna I.* Régészetükr és Kelet – Európa // MTA II. Oszt. Közl. 28.1979. 39–48.